

УДК 327.82

ДИСКУССИИ ПО ПРО: РОССИЯ – США – НАТО

© 2011 г. **О.В. Приходько***

Институт США и Канады РАН, Москва

В статье анализируются взаимоотношения России, США и НАТО по проблеме противоракетной обороны: носят ли изменения в американском подходе к ПРО фундаментальный характер или они являются результатом выбора нынешней администрацией лишь иной тактики. Особое внимание уделяется нововведениям в стратегической концепции Североатлантического альянса, утверждённым на Лиссабонском саммите НАТО в части, касающейся проблематики ПРО, и тем конкретным проектам, которые связаны с их реализацией.

Ключевые слова: *Россия, США, НАТО, администрация Б. Обамы, противоракетная оборона (ПРО).*

Современный контекст российско-американских дискуссий по ПРО

В начале XXI века США взяли курс на создание стратегической ПРО и вышли из российско-американского Договора по ограничению систем противоракетной обороны. Они рассматривают ПРО как важный элемент национальной обороны и адаптации стратегии сдерживания в отношении угроз XXI века, которая, по их мнению, уже не может ограничиваться традиционным инструментарием. Вашингтон указывает на то, что около 30 государств обладают боевыми баллистическими ракетами или ведут разработку таких систем вооружений. Подобный аргумент был впервые выдвинут в рамках «стратегической оборонной инициативы» президента Р. Рейгана, и это не случайно: ведь СОИ – это первая официально утверждённая концепция создания глобальной системы противоракетной обороны.

Тема ПРО занимает одно из центральных мест в современных российско-американских отношениях. Она является приоритетным направлением внешнеполитических усилий Москвы в отношениях с Вашингтоном по проблемам стратегической стабильности и безопасности. Как известно, 17 сентября 2009 г. президент Б. Обама официально объявил об отказе США от создания третьего позиционного района стратегической ПРО в Польше и Чехии в пользу плана четырёхэтапного, адаптивного развёртывания ПРО в Европе. Новый подход делает акцент на обеспечение функциональности системы и гибкости разме-

* ПРИХОДЬКО Олег Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: olegvladim@yandex.ru

щения элементов ПРО, более ранние сроки развёртывания технологий, доказавших свою пригодность, на большую приспособленность системы к угрозам близкого времени по сравнению с планом развёртывания ПРО в Европе, который был одобрен предыдущим президентом Дж. Бушем в 2007 году.

В своём решении по ПРО нынешняя администрация исходила из целого ряда факторов, а именно: достигнут существенный прогресс в разработке средств перехвата ракет малой и средней дальности (с 2007 г. до объявления нового плана в сентябре 2009 г. были проведены подряд восемь успешных испытательных пусков перехватчика *SM-3*); вместо стационарной РЛС, которую планировалось развернуть в Чехии, целесообразнее выстроить гибкую сеть датчиков для обеспечения большей адаптивности системы к меняющемуся характеру угроз; уже с 2011 г. можно начать развёртывание системы ПРО для защиты американских войск и союзников в Европе – на 6–7 лет раньше, чем это было бы возможно согласно прежнему плану; Иран быстрее, чем ожидалось, продвигается в разработке ракет малой и средней дальности, а угроза в виде создания в этой стране ракет большой дальности материализуется не столь быстро, как считалось раньше.

Пентагон полагает, что новая схема развёртывания является более предпочтительной, даже если окажутся ошибочными нынешние оценки американской разведки, согласно которым Иран сейчас больше сосредоточен на разработке ракет среднего и малого радиуса действия, чем на ракетах большой дальности. Архитектура системы ПРО будет эволюционировать, вбирая в себя новые и всё более эффективные технологии (в том числе перехватчики увеличенного радиуса действия для расширения зоны прикрытия), наращивая количество потенциально сбиваемых целей, повышая устойчивость всей системы ПРО и придавая ей способность уничтожать ракеты большой дальности. Согласно планам, одобренным администрацией Обамы, наземный компонент системы ПРО должен приобрести потенциал для поражения МБР, т.е. получить характеристики стратегической ПРО на четвертом этапе к 2020 году.

Этот подход, по замыслу его авторов, более восприимчив к изменению характера угроз и в большей мере учитывает возможности новых технологий. Прежняя схема ПРО не предусматривала создание системы против ракет малой и средней дальности до 2018 г. Речь тогда шла о способности уничтожать до пяти иранских МБР в полёте одновременно, но этого потенциала ПРО было бы недостаточно, чтобы нейтрализовать залповый пуск десяти и более ракет меньшей дальности. Нынешние планы предполагают развёртывание с 2011 г. потенциала против атаки большего количества ракет средней и малой дальности и последовательное его наращивание с течением времени.

Россия приветствовала пересмотр планов США по развёртыванию ПРО в Восточной Европе. По мнению ряда американских экспертов, одним из мотивов принятия решения было стремление Вашингтона побудить Москву к сотрудничеству по решению иранской ядерной проблемы. Многие из них восприняли отказ от развёртывания третьего позиционного района стратегической ПРО как уступку России, хотя президент Б. Обама и тогдашний министр обороны Р. Гейтс всячески это отрицали. Белый дом настаивал, что пересмотрел планы по развёртыванию ПРО в Европе исходя из американских нацио-

нальных интересов и уточнённой оценки характера ракетной угрозы, а вовсе не ради кого-то и не с целью получить взамен уступки от России. Москва со своей стороны опровергла спекуляции, будто Вашингтон пошёл на этот шаг в обмен на российскую поддержку США по Ирану, хотя в дальнейшем действительно произошло определённое сближение позиций сторон по иранской ядерной проблеме: РФ поддержала в СБ ООН резолюцию 1929 по санкциям и отказалась от продажи Ирану зенитно-ракетных комплексов *C-300*.

Важный аспект стратегического контекста дискуссий о ПРО определяет подписанный 8 апреля 2010 г. российско-американский Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Москва и Вашингтон совершенно по-разному трактуют положения Договора СНВ-3, касающиеся противоракетной обороны. В своих ратификационных документах Россия увязала соблюдение этого соглашения с ненаращиванием американского потенциала стратегической ПРО. США утверждают, что упоминание о взаимосвязи между стратегическими ядерными силами и ПРО не накладывает на них никаких обязательств. Однако Россия считает, что это положение носит обязывающий характер.

В пакете с Договором СНВ-3 президент Д. Медведев подписал отдельный документ – «Заявление Российской Федерации относительно противоракетной обороны». В нём Москва предупреждает, что новый договор по стратегическим наступательным вооружениям может действовать и быть жизнеспособным только в условиях, когда нет качественного и количественного наращивания возможностей систем противоракетной обороны Соединённых Штатов. Москва будет рассматривать наращивание потенциала ПРО США, создающее угрозу боеспособности российских стратегических ядерных сил, как основание для реализации своего права на выход из Договора СНВ-3. Однако упомянутое заявление не имеет юридически обязывающей силы, так как это односторонний документ, и американская сторона выразила несогласие с ним. Вашингтон выступил с собственным заявлением, в котором довёл до сведения Москвы, что намерен продолжать разработку и развёртывание систем ПРО в том виде, в котором считает необходимым, но подчеркнул, что эти действия не направлены против России.

В декабре 2010 г. Сенат США ратифицировал Договор СНВ-3, одновременно приняв сопроводительную резолюцию, которая постулирует, что американская сторона не рассматривает договор как документ, устанавливающий какие-либо юридические ограничения для создания американской системы ПРО в Европе. 3 февраля 2011 г. президент Б. Обама подписал ратификационный документ по Договору СНВ-3. Отвечая на обращение ряда сенаторов, он направил им письмо, в котором заверил, что договор не обязывает США предоставлять российской стороне телеметрическую информацию об испытаниях противоракет и других элементов американской системы ПРО. Администрация отрицает, что реализация поэтапного адаптивного подхода по созданию ПРО в Европе может служить оправданием для возможного выхода России из Договора СНВ-3. В февральском послании американским законодателям Б. Обама подтвердил, что «политикой Соединённых Штатов является продолжение разработки и развёртывания систем противоракетной обороны для за-

щиты от ракетных угроз со стороны таких стран, как Северная Корея и Иран, включая количественные и качественные улучшения таких систем» [4].

Выступая на Мюнхенской конференции по международной безопасности 5 февраля 2011 г., госсекретарь США Х. Клинтон вполне ясно сформулировала американскую позицию: «Мы совершенно чётко заявили, что не согласимся ни с какими ограничениями нашей противоракетной обороны. Американское правительство сделает всё необходимое для защиты Америки, наших войск, наших союзников и друзей от нападения со стороны государств, расположенных за пределами Европы» [3]. В то же время она утверждала, что США и НАТО придерживаются кооперационного подхода, который предусматривает укрепление сотрудничества с Россией. По словам Х. Клинтона, Вашингтон готов совместно с Москвой анализировать характер ракетных угроз, проводить совместные учения, обмениваться данными систем раннего предупреждения, создавая основу кооперационной системы ПРО и обеспечивая взаимодействие потенциалов противоракетной обороны друг друга. *То, что в американской позиции представляется России как противоречивые и трудно совместимые элементы, для Вашингтона является вполне естественным сочетанием. Подобное принципиально различное понимание указывает на явный дефицит усилий сторон по преодолению взаимного недоверия.*

«Поэтапный и адаптивный подход» в создании системы предполагает постепенное наращивание её потенциала до уровня стратегической ПРО. Подобная перспектива затрудняет российское военное планирование, внося в него значительный элемент неопределённости. Москве придётся постоянно держать в уме такой вариант развития военно-стратегической ситуации, что будет сковывать возможности её маневра в отношениях с США. Она едва ли сможет довольствоваться заверениями США о ненаправленности американской системы ПРО в Европе против российских интересов, если те не будут подкреплены мерами технического контроля. Однако на подобную открытость США не готовы идти, и они вряд ли согласятся допустить российскую сторону к системе управления европейской ПРО (ЕвроПРО). Не видно у них и желания предоставить Москве равноправный голос в создании системы ПРО в Европе. Стороны не могут договориться, будет ли это единая система ПРО для Европы, включающая в себя и Россию, или системы ПРО каждой из сторон будут действовать как две самостоятельные структуры. На то, что сохраняется весьма значительный объём разногласий, указывают итоги заседания Совета Россия – НАТО, прошедшего в начале июня. Обсуждение вопроса о ЕвроПРО выявило отсутствие сколько-нибудь заметного прогресса в сближении позиций сторон.

Политическая борьба вокруг ПРО

Обнародованный Пентагоном в феврале 2010 г. «Обзорный доклад по противоракетной обороне» определяет в качестве приоритетной цели американской программы ПРО защиту территории страны от ограниченной атаки баллистических ракет. Приоритетность этой задачи подтверждается и тем, как осуществляется политика жёсткой экономии Минобороны США. Необходи-

мость сдерживания угрожающе растущего государственного долга заставляет американское правительство идти на урезание военного бюджета, который в 2011 фин. г. достиг 708 млрд. долл., или 20% всех федеральных расходов. Администрация подготовила план, который предусматривает экономию 400 млрд. долл. на расходах по безопасности в течение ближайших 12 лет. Однако финансирование разработок по территориальной ПРО практически не подпадает под сокращение.

В апреле 2011 г. Управление ПРО Министерства обороны заказало трём крупнейшим компаниям-подрядчикам разработку концепции более компактной, скоростной и легко развёртываемой противоракеты на базе ракеты-перехватчика *SM-3*. Корпорации «Боинг», «Локхид – Мартин» и «Рейтион» получили по 41 млн. долл. на проведение работ с целью определить основные технические параметры для новой противоракеты (её двигательной установки, систем наведения и обнаружения целей и т.д.), которая была бы способна сбивать атакующие баллистические ракеты как средней дальности, так и МБР на начальном участке траектории полёта. Глава Управления ПРО генерал П. О’Рейли заявил, что *Соединённым Штатам нужна такая система независимо от того, как будет изменяться американская программа противоракетной обороны*. Его ведомство собирается запросить более 1,5 млрд. долл. на последующую разработку и производство упомянутого типа противоракеты с тем, чтобы сборочный цикл был запущен уже к концу текущего десятилетия. Это оружие рассматривается как один из элементов для четвёртой стадии развёртывания американской/натовской системы ПРО в Европе.

На дискуссии о сотрудничестве США с Россией в области ПРО сильное давление оказывают республиканцы и весь консервативный фланг американской политической элиты. Они обрушились на Белый дом с жёсткой критикой за отказ от «бушевского плана» развёртывания ПРО. Группа американских законодателей во главе с сенатором М. Кёрком (всего 39 человек) в апреле обратилась к президенту Обаме с письмом, в котором выражается предостережение против того, чтобы США делились с Россией чувствительными технологиями ПРО. Авторы обращения высказали опасение, что с помощью соглашения по совместной ПРО Москва стремится получить доступ к сокровенным тайнам противоракетной обороны США. Законодатели запросили у президента письменные гарантии того, что Вашингтон не будет предоставлять Москве сведения об американских системах раннего предупреждения, обнаружения, слежения, нацеливания, телеметрическую информацию, данные по общей оперативной обстановке, получаемые с РЛС, а также по американским технологиям перехвата целей путём кинетического поражения целей (т.е. посредством прямого соударения). Ответа из Белого дома на обращение не последовало. Выражая мнение республиканцев, М. Кёрк заявил в интервью телеканалу «Фоксньюс» (*Foxnews*), что Россия не является союзником США, и что недопустимо какое-либо соглашение, по которому российские военные получили бы место в штаб-квартире НАТО и были бы допущены к «красной кнопке» – то есть неприемлемо предоставление ей права вето на осуществление операций по обороне стран альянса [5].

Противники сотрудничества с Россией в области ПРО, в частности лидер республиканского меньшинства в Сенате Дж. Кайл, обвиняют администрацию в том, что она не полностью информирует Конгресс по поводу того, как идёт обсуждение этого вопроса с Москвой. Председатель подкомитета по стратегическим силам комитета по делам вооружённых сил Палаты представителей республиканец М. Тёрнер напомнил, *Россия и Соединённые Штаты не совсем одинаково понимают положения Договора СНВ-3, касающиеся противоракетной обороны*. Внесённые республиканцами поправки в законопроекты о расходах на оборону в 2012 фин. г. обеих палат Конгресса (их авторы – Дж. Кайл и М. Тёрнер) запрещают правительству заключать какое-либо соглашение, ограничивающее американский потенциал ПРО, если только оно не будет одобрено актом Конгресса или если оно не является частью договора, ратифицированного Сенатом.

Подходы администрации Обамы и республиканцев по многим аспектам проблемы ПРО расходятся. По словам главы департамента по делам России и Евразии Совета национальной безопасности США М. Макфола, администрация, предлагая Москве вместе работать над ПРО в Европе, исходит из того, что двустороннее сотрудничество и российское участие в реализации проекта поможет Москве составить более точную картину того, какова будет противоракетная система в Европе. Это знание предмета станет лучшей гарантией для России, что её интересы не будут поставлены под угрозу.

Судя по тому, как республиканцы пытаются если не торпедировать Договор СНВ-3, то всячески помешать администрации Обамы в исполнении обязательств по нему, которое они считают невыгодным для США, путём внесения соответствующих поправок в законопроекты по военному бюджету на 2012 г., от них можно ожидать применения подобной тактики и в вопросе о ПРО. Хотя президент вправе наложить вето на эти поправки, ему в любом случае придётся искать компромисс с законодателями, поскольку «власть кошелька» принадлежит Палате представителей, где большинство у республиканцев, а значит, и финансирование военного бюджета страны не может осуществляться без их согласия. Однако, как отмечают американские политологи, «республиканская Палата представителей» не доверяет администрации Обамы потому, что Белый дом, по её мнению, «слишком доверяет Кремлю».

Пересмотр роли ПРО в стратегической концепции НАТО

На прошедшем в Лиссабоне в ноябре 2010 г. саммите НАТО была одобрена новая Стратегическая концепция альянса. В ней подтверждён принцип общего бремени рисков и общей ответственности членов Североатлантического блока. В декларации саммита говорится: «НАТО будет поддерживать соответствующее соотношение обычных, ядерных вооружений и сил ПРО. Противоракетная оборона станет составной частью нашей общей структуры обороны» [8]. Альянс рассматривает ПРО как дополнение к потенциалу ядерного сдерживания, а не как его замену. Это положение особенно важно для Франции, у которой возникли серьёзные концептуальные разногласия по данному вопросу со сво-

им ближайшим союзником Германией. В решениях саммита, касающихся проблематики противоракетной обороны, отражён консенсус, который устраивает как тех, кто выступает за приоритет 5-й статьи (т.е. за приоритет территориальной обороны), так и тех, кто считает, что главной задачей НАТО на обозримый период времени становятся операции за пределами договорной зоны ответственности.

На саммите в Лиссабоне было одобрено создание в Европе системы ПРО для обеспечения защиты территории и населения государств Североатлантического блока, а также расширение работ в рамках осуществляемой уже несколько лет программы «Активной многослойной ПРО ТВД». Взамен программы нестратегической ПРО, которая была направлена на защиту от ракет с дальностью полёта до 3000 км, решено создать в Европе широкомасштабную *территориальную ПРО*, предусматривающую в отличие от предыдущего варианта 2005 г. прикрытие не только группировок войск на ТВД, но *всей* территории стран альянса. Новая система должна приобрести в 2018 г. способность сбивать ракеты большой дальности, причём не только на конечном, но и на разгонном и срединном участках траектории полёта. Её точная конфигурация неизвестна, но ясно, что США предоставят свои спутниковые ресурсы, РЛС и противоракеты. На европейских союзников возлагаются финансирование и разработка системы боевого управления и командования (эти затраты предварительно оцениваются не менее чем в 80–150 млн. евро.). *Решение о развёртывании территориальной ПРО в Европе, которая определена как составная часть общего военно-силового потенциала альянса во исполнение 5-й статьи о коллективной обороне, является принципиально новым положением в стратегии НАТО.*

Решения Лиссабонского саммита означают, что США получили одобрение на развёртывание своей системы ПРО в Европе под эгидой НАТО. *Уже в недалёком будущем ПРО может занять ключевое место в системе американских гарантий безопасности европейским союзникам в связи с меняющимся отношением последних к роли ядерного оружия – в ходе разработки новой стратегической концепции альянса, которая в итоге была утверждена в Лиссабоне, Бельгия при поддержке Германии, Люксембурга, Норвегии и Нидерландов инициировала обсуждение вопроса о выводе американского ядерного оружия из Европы. Бельгийская инициатива отразила вызревающее у европейских стран желание опираться на неядерные гарантии безопасности.*

Развёртывание территориальной противоракетной обороны означает консервацию военно-стратегической зависимости Европы от США. ПРО даёт существенный рычаг стратегического влияния тому, кто им владеет (США), определяя характер отношений между защищающими и защищаемыми. Те страны, которые окажутся под защитой американской системы ПРО, не смогут обладать реальным и полным суверенитетом в международных делах, не говоря уже о военно-стратегической сфере, – это относится и к Европейскому Союзу в целом. Другое дело, что «неамбициозные» страны, собственно, и не испытывают в этом потребности, так как привыкли чувствовать себя комфортно в роли зависимых.

Объявленный администрацией Обамы план поэтапного развёртывания в Европе американской системы ПРО квалифицируется в декларации Лиссабонского саммита как «национальный вклад США в архитектуру натовской ПРО». *Однако не должно быть никаких иллюзий – в коллективной системе ПРО НАТО главная и определяющая роль будет принадлежать США. Помещая ПРО в натовский контекст, США приобретают очевидные дипломатические дивиденды в диалоге как с союзниками, так и с Россией, сохраняя при этом в своих руках контроль над этим проектом.* По мнению ряда американских политиков, в частности председателя сенатского комитета по международным отношениям Дж. Керри, то, что американская ПРО будет реализовываться как совместный натовский проект, делает её менее угрожающей для России [6].

В начале 2011 г. НАТО *впервые* в своей истории приняла на вооружение объединённую систему ПРО ТВД. 27 января по завершении тестовых компьютерных испытаний программного обеспечения, соединившего в единый функциональный комплекс средства и объекты нестратегической противоракетной обороны Франции, Германии, Италии, Нидерландов и США, система ПРО ТВД была передана командованию, базирующемуся в Объединённом центре воздушных операций НАТО, который находится в немецком городке Удем. Бригадный генерал итальянских ВВС А. Пера, возглавляющий натовскую программу «активной многослойной противоракетной обороны ТВД», вручил символический ключ от управления системой генерал-майору ВВС США М. Рамсею, занимающему пост одного из заместителей начальника штаба ОВС НАТО в Европе.

Альянс намерен в течение десяти лет инвестировать около 280 млн. долл. на интеграцию его противоракетного потенциала с системами ПРО, разрабатываемыми Соединёнными Штатами. Однако из-за требований жёсткой экономии госрасходов, на которые США вынуждены идти для сдерживания растущего государственного долга, аннулирование ожидает ряд совместных американо-европейских программ вооружений. Под сокращение попал американо-германо-итальянский проект по разработке системы нестратегической ПРО средней дальности *MEADS*, который долгое время считался одним из флагманов трансатлантического сотрудничества в области ПРО. Объявляя о выходе из проекта, Пентагон сослался не только на технические трудности, с которыми сталкиваются разработчики системы, но и на финансовые ограничения, возникшие перед американским военным ведомством. В течение почти десятилетия американские расходы на ПРО составляли около 10 млрд. долл. в год.

В 2011 г. Пентагон приступил к реализации десятилетней программы «поэтапного и адаптивного» создания в Европе системы ПРО, которая предусматривает базирование в Балтийском и Средиземном морях кораблей с противоракетными системами «Иджис» и последующем развёртывании на территории Румынии и Польши не менее 48 противоракет наземного базирования *SM-3* (по 24 – в каждой из этих стран). В качестве возможных районов размещения РЛС системы ПРО США рассматривают Болгарию, Турцию, Чехию и, как возможный вариант, – Азербайджан и Грузию. В интересах создаваемого комплекса будет функционировать и передвижная РЛС, работающая в х-диапазоне с дальностью радиолокационного обзора 5000 км, которая была

развёрнута американскими военными в Израиле три года назад в рамках системы обнаружения и перехвата атакующих ракет на больших высотах.

В начале мая 2011 г. США и Румыния по завершении двусторонних переговоров на экспертном уровне достигли договорённости о размещении элементов американской системы ПРО на румынской территории. Американские средства перехвата ракет решено развернуть на бывшей базе ВВС близ селения Девеселу, расположенного на юге страны недалеко от румыно-болгарской границы. США намерены подготовить на этой базе позиции для противоракет к 2015 г. Формально база будет находиться под румынским командованием. На ней планируется разместить 200–500 американских военнослужащих и 24 пусковые установки противоракет. Тем не менее нет сомнений, что в действительности управление находящимися там средствами ПРО будут осуществлять только американские военные. Румыния, конкурирующая с Польшей за статус наиболее лояльного и доверенного союзника США в регионе, считает своим внешнеполитическим успехом достигнутую договоренность. Однако во время визита в Польшу 27 мая президент Б. Обама подтвердил, что в силе остаётся план поэтапного создания ПРО, который предусматривает развёртывание новой, более мощной модификации противоракет *SM-3* на польской территории в 2018 году.

Создаваемым в Румынии и Болгарии базам ПРО придаётся большое значение в американских планах в связи с ограничениями режима Черноморских проливов, который устанавливает Конвенция Монтрё 1936 года. В соответствии с этим международным договором через Босфор и Дарданеллы в Чёрное море не могут заходить корабли нечерноморских государств с водоизмещением более 45 тыс. т. Это ограничение означает фактический запрет на базирование в Чёрном море американских крейсеров и эсминцев, оснащённых противоракетной системой «Иджис».

Новая схема развёртывания ПРО, предусматривающая базирование мобильных платформ в восточном Средиземноморье и наземных компонентов ПРО – в Европе, в большей мере, чем предыдущий вариант, подходит для того, чтобы сбивать иранские ракеты на разгонном участке траектории полёта. По мнению западных экспертов, это должно вселить уверенность в американских союзниках на Ближнем Востоке и в Европе относительно способности США защитить их от возможного ракетного удара Ирана.

Есть ли место для России в американском проекте европейской ПРО?

Вопрос о возможном участии РФ в проекте европейской ПРО активно обсуждается как в ходе российско-американских контактов различного уровня, так и на консультациях между Россией и НАТО. На саммите в Лиссабоне России было направлено официальное приглашение к сотрудничеству в деле создания ПРО в Европе. На заседании Совета Россия – НАТО 20 ноября 2010 г. США внесли свои предложения, из которых следует, что они видят это сотрудничество как обмен данными между российской и американо-натовской системами ПРО.

Россия выразила готовность присоединиться к ЕвроПРО, но только как равноправный партнёр, и участвовать в проекте при условии, что стороны придут к взаимоприемлемому компромиссу по спорным вопросам. По словам президента Д. Медведева, российская сторона согласна сотрудничать с такой степенью глубины, на которую готовы пойти США и НАТО. Москва отдаёт предпочтение концепции совместной системы ПРО, которая предусматривает оперативную состыковку российских и натовских ресурсов. У неё вызывает беспокойство то, что на четвёртом этапе своего развертывания (2018–2020 гг.) американская система ПРО в Европе должна приобрести стратегический потенциал, позволяющий осуществлять перехват российских МБР.

В ответ на эти опасения США заявляют, что система ПРО в Европе предназначена для защиты от иранских ракет и что по своим характеристикам и географии размещения она не может рассматриваться как угроза российским стратегическим силам. Однако для Москвы одних словесных обещаний явно недостаточно. Она хочет иметь юридические гарантии в отношении того, что развёртывание системы территориальной ПРО не будет направлено против её сил ядерного сдерживания. По мнению американского политолога Г. Копли, Россия, формулируя свою позицию, больше озабочена не тем, что происходит с иранской ядерной программой и её ракетными разработками, а тем, как сохранить свою независимость в принятии стратегических решений [3, р. 4].

Концепция, которую Москва предложила альянсу, предусматривает построение секторальной системы ЕвроПРО, в соответствии с которой РФ и НАТО согласовали бы участки противоракетного прикрытия, где каждая из сторон отвечала бы за перехват баллистических ракет, летящих через её зону контроля. Россия выразила готовность взять на себя прикрытие Восточной Европы и регионов Чёрного, Балтийского и Баренцева морей. По замыслу Москвы, этот план делает ненужным развёртывание американских средств ПРО в восточноевропейских странах (Польше, Румынии и Болгарии), позволяет сократить расходы и устраняет российские опасения относительно истинных целей американских действий. РФ предлагает, чтобы эксперты обеих сторон совместно разработали архитектуру сети ПРО, начиная с концепции системы и выбора мест развёртывания её элементов до создания и эксплуатации совместного центра обработки данных, откуда информация передавалась бы в совместный центр боевого управления.

Подобная схема предполагает достаточно высокий уровень доверия между сторонами, который характерен для стран, имеющих обязательства друг перед другом по взаимной обороне. Преодолеть барьер в виде отсутствия подобных обязательств крайне сложно, когда между странами нет официальных союзнических отношений. Если Россия и США хотят выйти на качественно более высокий уровень взаимоотношений, им не уклониться от решения глубинной проблемы взаимного недоверия, а оно едва ли возможно без готовности политических элит обеих стран к серьёзным встречным уступкам. Здесь существует два варианта поведения: первый – бесконечно долго ждать, пока для этого сложатся благоприятные условия; второй – предпринимать целенаправленные действия, способствующие изменению восприятия друг друга в позитивном ключе.

Британский политолог П. Портер полагает, что если для альянса система ПРО представляла бы важность в качестве буфера, защищающего от Ирана, то «в глазах России она могла бы выглядеть как основа для формирования ядерной неуязвимости Запада, подрывающая ядерное сдерживание и структуры поддержания мира» [9, р. 13]. По его мнению, НАТО должна вернуться к своей изначальной цели – ограничиться решением задач по обеспечению коллективной обороны *от прямого нападения* других государств согласно 5-й статье, а не выискивать себе новые функции и миссии. Подобный подход, считает он, продиктован неизбежным наступлением многополярного мира, в котором ЕС, возможно, станет одним из полюсов. Однако «минималистская» концепция не пользуется поддержкой США, которые заинтересованы в использовании НАТО для удержания превосходства над теми, кто может составить им наиболее серьёзную конкуренцию в будущем. Неубедительной представляется П. Портеру идея формирования альянса коллективной безопасности НАТО и России, так как подобное образование, по его мнению, может спровоцировать антагонизм таких держав, как Китай, и оказаться структурно рыхлой из-за конфликта интересов между восточноевропейскими странами и Россией [9, р. 14].

Если Москва возьмёт на себя обязательство в рамках совместной ЕвроПРО защищать страны НАТО от ракет, которые пролетают над российской территорией, это будет означать также и обязательство сбивать китайские МБР в случае гипотетического ракетного удара КНР по государствам Североатлантического союза. Одним из возможных мотивов американского предложения России присоединиться к проекту ЕвроПРО является попытка привязать её к Западу и отдалить от Китая. По мнению политолога Б. Тейера, который в своё время работал консультантом РЭНД и Пентагона, отказ нынешней администрации от «бушевского проекта» по размещению системы ПРО в Польше и Чехии может рассматриваться как сигнал возможного создания в будущем российско-американского альянса (даже если он не будет так называться) в ответ на китайскую угрозу [11, р. 3].

Предложенная Россией концепция секторальной структуры ЕвроПРО была отвергнута натовской стороной на заседании Совета Россия – НАТО в июне 2011 г. США отказались взять на себя юридические обязательства в отношении того, что создаваемая ЕвроПРО не будет направлена против РФ. Российское условие о равноправии сторон неприемлемо для Вашингтона, ведь планируемая система противоракетной обороны в Европе задумана как составная часть глобальной многокомпонентной системы ПРО под американским командованием и управлением. США не хотят ограничивать себя в совершенствовании технологий противоракетной обороны. Иное решение Белого дома едва ли получило бы поддержку в Конгрессе, даже если формально оно и не требовало бы одобрения законодателей. Господствующие настроения в Капитолии президент Обама не может игнорировать в условиях изменившейся расстановки политических сил в стране в пользу республиканцев после последних промежуточных выборов. Профессор С. Блэнк из Института стратегических исследований при Колледже Армии США убеждён, что, «учитывая сильную привязанность республиканцев к противоракетной обороне и то нежелание, с которым

они поддержали её недавнюю реконфигурацию, любые шаги, создающие впечатление дальнейшего сокращения подобных систем в Европе и других районах, вызовут серьёзную оппозицию в Сенате» [1, р. 83]. По его мнению, возражения России, касающиеся развёртывания американской ПРО вытекают из того, что она выступает против любого американского военного присутствия в Центральной и Восточной Европе.

С российской концепцией секторальной ПРО, делящей Европу на зоны ответственности РФ и НАТО, выразили несогласие Польша, Румыния и ряд других восточноевропейских стран НАТО. Они не хотят, чтобы Москва отвечала за обеспечение их противоракетного прикрытия. Варшава полагает, что ПРО, которую будет создавать НАТО, и российская ПРО должны быть *автономными* системами, хотя и сотрудничающими друг с другом. Она считает необходимым размещение базы американской ПРО на польской территории. Министр обороны Польши Б. Клих заявил, что не имеет смысла создавать одну общую систему и в рамках неё делить Европу на зоны контроля, наделять штаб-квартиру в Москве ответственностью за какое-либо государство, являющееся членом НАТО. Он полагает, что если Россия не будет допущена к натовской системе ЕвроПРО, она будет создавать в Европе свою собственную систему, хотя Москва не раз повторяла, что её ответом станет принятие асимметричных военных контрмер, в числе которых не трудно предположить развёртывание ударных средств подавления натовских элементов ПРО в Восточной Европе.

Американские союзники: дипломатический торг вокруг ПРО

Вопрос о ЕвроПРО является предметом активных дискуссий не только между Россией и США, но и внутри НАТО, где ещё нет ясности, каким будет вклад тех или иных стран в создание системы. Южный сегмент ЕвроПРО предусматривает на первом этапе (2011–2013 гг.) развёртывание в восточной части Средиземного моря американских кораблей, оснащённых противоракетами *SM-3*, а на втором этапе (к 2015 г.) – РЛС на турецкой территории. Турция выдвигает ряд условий относительно возможности размещения данного объекта у себя. Она настаивает на том, чтобы в предполагаемом турецко-американском соглашении соседний Иран официально не фигурировал в качестве цели, против которой создаётся ПРО, а также на том, чтобы данные с будущего радара не передавались Израилю, с которым у неё серьёзно испортились отношения.

По сообщениям ряда турецких СМИ, американская сторона якобы заверила Анкару, что данные с РЛС, которую планируется развернуть на турецкой территории, не будут передаваться странам, не входящим в НАТО, включая Израиль. Обозреватель С. Янатма пишет в статье, опубликованной в англоязычной интернет-версии одной из турецких газет, что, «хотя Турция публично не отклонила просьбу США принять участие в противоракетной системе, она обеспокоена, что возможное развёртывание элементов ПРО на её территории может причинить вред её отношениям с Ираном, который в последние годы

значительно укрепил связи с Турцией в экономике и сфере безопасности» [12]. Анкара не хочет, чтобы американские планы по ПРО создавали проблемы для её отношений с соседними странами, и, в частности, ставили под угрозу дружбу с Тегераном. А участие в проекте, где в качестве противника был бы обозначен Иран, противоречило бы внешнеполитическим целям Турции. Как замечает С. Янатма, многие в Турции полагают, что тайной целью продвигаемой американцами системы ПРО является защита Израиля от возможного ракетного нападения Ирана. Однако у Тель-Авива есть своя противоракетная система, которая может отразить угрозу со стороны Тегерана или других возможных противников.

Глава турецкой дипломатии А. Давутоглу дал ясно понять, что не видит необходимости упоминания какой-либо страны в качестве источника угрозы, против которой создаётся натовская ПРО, так как угрозы меняются в современном непредсказуемом мире. Американские разъяснения, вероятно, удовлетворили Турцию, судя по тому, что она не блокировала принятие решения по ЕвроПРО на Лиссабонском саммите НАТО. С турецким подходом солидарна Россия, выступающая против того, чтобы «назначать врагов», так как это нанесло бы урон глобальной стабильности, порождая новые разделительные линии в международных отношениях.

Другим условием присоединения к ПРО Турция выдвигает своё право участвовать в принятии решений и иметь непосредственный доступ к данным о ракетных угрозах, получаемых РЛС, которую предполагается разместить на её территории. США в принципе готовы признать за Анкарой право доступа к информации по ракетным угрозам, однако у них нет ясности, как мог бы работать этот механизм на практике. Турция напомнила Вашингтону об ограничениях Конвенции Монрё на проход через проливы Босфор и Дарданеллы военных судов. США заверили Турцию, что не собираются нарушать условия этого международного договора.

Свои особенности в отношении американского проекта европейской ПРО имеются и в позиции Франции. Как заявил председатель комиссии по иностранным делам, обороне и вооружённым силам Ж. де Роан в ходе дебатов, проходивших во французском Сенате после Лиссабонского саммита, «противоракетная оборона НАТО будет создаваться с нами или без нас. Вопрос отныне состоит не в том, должна ли Франция в этом участвовать, а в том, как она должна это делать» [10]. *Если для США создание эффективной территориальной ПРО является важной самостоятельной стратегической целью, то Франция рассматривает противоракетную оборону лишь в качестве одного из вспомогательных инструментов, подчинённых ядерному сдерживанию.* Стратегия национальной обороны Франции основана на ядерном сдерживании, и всё, что идёт вразрез с этой доктриной, для Парижа неприемлемо. Отсюда вытекает одно из принципиальных условий французского участия в американском проекте ЕвроПРО – подтверждение безальтернативности ядерного сдерживания как основы стратегии коллективной обороны альянса. Президент Н. Саркози заявил на пресс-конференции по завершении Лиссабонского саммита НАТО, что Франция откажется от участия в любом проекте, где ПРО будет рассматриваться как возможная замена ядерному сдерживанию.

Париж не хотел бы, чтобы всё свелось к прикрытию европейских стран НАТО чисто американской системой противоракетной обороны. Для него важно, чтобы Европа участвовала в принятии решений, касающихся ЕвроПРО, поскольку в противном случае вопросы обеспечения собственной обороны оказались бы не в её власти. Он призывает партнёров осуществлять совместные европейские разработки в области ПРО.

Другим условием является требование, чтобы участие в натовской ПРО стало для Франции локомотивом технологического развития и стимулировало прогресс в высокотехнологичных отраслях, в частности таких, как авионика, космическая промышленность, гражданская и военная электроника. Что касается финансовой стороны, Париж намерен избегать крупных инвестиций в ЕвроПРО, предпочитая осуществлять свой вклад в реализацию проекта не столько «живыми деньгами», сколько собственными разработками противоракетных технологий, включая повышение потенциала своей системы ПВО *SAMP/T** до уровня нестратегической ПРО к 2020 г. и её интеграцию в натовскую систему ПРО ТВД.

В ходе парламентских дискуссий представители различных политических сил Франции высказывали опасение, что из-за участия в ЕвроПРО, которое может обойтись казне в 1 млрд. евро за десять лет, национальные военные программы будут недофинансироваться и произойдёт также отток средств из чисто европейских оборонных проектов. Фигурирующие цифры финансового участия европейских союзников в ЕвроПРО пока выглядят достаточно скромно. Однако точная конфигурация системы ПРО, как и её структура, ещё не определены, поэтому сохраняется неопределённость по финансовым аспектам проекта. Конечные затраты, скорее всего, заметно превзойдут нынешние оценки предполагаемых расходов.

Выступая в Сенате Франции 9 декабря 2010 г. в поддержку решения Парижа о присоединении к проекту ЕвроПРО, министр обороны А. Жюппе заявил: «Перед лицом вызовов, которые влечёт создание противоракетной обороны, мы будем следовать трём принципам, и прежде всего нашей стратегической самостоятельности, извлекая пользу из дополняемости наших ядерных вооружений и стараясь повысить ценность нашего промышленного потенциала. Одновременно с этим мы должны развивать отношения с Россией при создании совместной системы противоракетной обороны» [10].

Согласие официального Парижа присоединиться к американскому проекту ЕвроПРО вызвало критику левоцентристских сил. По мнению фракции соцпартии, решение об участии в территориальной ПРО НАТО предаёт забвению политику, которой традиционно следовала Франция в период Пятой Республики, и не учитывает мнение России. Представители парламентской оппозиции заявляли в ходе дебатов, что проект ЕвроПРО – это средство подчинения европейских союзников целям американской стратегии. Они напомнили, что в середине 1980-х годов Франция последовательно выступала против проекта

* Название расшифровывается как «Наземная система земля-воздух средней дальности». Она разрабатывается совместно с Италией. 18 октября 2010 г. система «SAMP/T» была впервые испытана для перехвата баллистической ракеты малой дальности.

СОИ тогдашнего президента Р. Рейгана. *Прошедшие после Лиссабонского саммита НАТО дебаты в парламенте Франции показали, что широкий спектр французских политических сил в гораздо большей степени настроен на сотрудничество с Россией по проблеме ПРО, чем политическая элита США.*

* * *

«Перезагрузка» российско-американских отношений, несомненно, способствовала позитивным изменениям в международной политике. Однако между Россией и США в военной сфере ещё очень сильно влияние подходов, сформировавшихся в эпоху «холодной войны». И пробуксовка в согласовании подходов сторон к проблеме ПРО подтверждает тезис, что «перезагрузка» вращается, в основном, вокруг текущих проблем и не ориентирована на совместное стратегическое будущее. *Едва ли можно ожидать взаимного доверия между двумя странами в чувствительных сферах национальной безопасности, пока страх взаимозависимости довлеет над ними и пока их партнёрство зависит почти исключительно от текущей политической конъюнктуры.* Правда, они стали проявлять большую сдержанность в том, что касается ограничения международного влияния друг на друга, так как нуждаются в сотрудничестве для отражения общих вызовов и угроз – от борьбы с международным терроризмом и наркотрафиком до противодействия ядерному распространению и урегулирования проблем на Среднем и Ближнем Востоке.

Для российской стороны принципиальное значение имеет направление развития американского проекта ЕвроПРО. Москва не может не учитывать влияние американской системы противоракетной обороны на боеспособность своих сил ядерного сдерживания. Она приветствовала аннулирование «бушевского» проекта ПРО. Однако и новый план таит немало подводных камней. Наиболее дискуссионный элемент прежнего проекта не отменяется, лишь сдвигаются сроки его реализации – это создание американской *стратегической* ПРО в Европе к 2020 г. Поэтому отказ администрации Обамы от «плана Буша» в пользу «поэтапного и адаптивного подхода» к ЕвроПРО не устранил почву для опасений российской стороны.

Едва ли Москве стоит питать иллюзии, что Вашингтон будет держаться за Договор СНВ-3 тогда, когда изменение международной ситуации сделает развёртывание системы стратегической ПРО в Европе более насущной задачей, чем сохранение этого соглашения. Продвижение Ирана в создании ядерного оружия и баллистических ракетных технологий в сочетании с неспособностью политико-дипломатическими средствами сдержать его программы будет подталкивать США к развёртыванию всё более эффективной ПРО, в том числе в европейском регионе.

Смена правящих режимов в Северной Африке и на Ближнем Востоке в результате «великой арабской революции» 2011 г. только усилила заинтересованность США в создании ЕвроПРО, ведь никто не может достоверно предсказать, какие политические силы в итоге закрепятся у власти в странах региона, переживших революционные потрясения, какой будет их политика в долгосрочной перспективе и в каком направлении она будет эволюционировать. С 1980-х годов Вашингтон считает эти государства одной из наиболее

проблемных зон с точки зрения угрозы распространения ядерных и баллистических ракетных технологий.

За время, прошедшее с Лиссабонского заседания Совета Россия – НАТО, переговоры по ЕвроПРО не увенчались сколько-нибудь заметным успехом в сближении позиции Москвы и Вашингтона. Когда речь заходит об обмене деликатной информацией и о чувствительных технологиях, на первое место выходит подозрительность сторон в отношении друг друга, блокирующая возможность состыковки их интересов. Исходя из исторического опыта, трудно представить, чтобы США согласились принять идею совместно управляемой системы ПРО, в рамках которой взаимодействие осуществлялось бы на *равноправных* началах. С 1992 г., чтобы упредить односторонние шаги Вашингтона по наращиванию американской ПРО, Москва предприняла неоднократные попытки заинтересовать его идеей сотрудничества в рамках глобальной, совместно управляемой ПРО, но все они закончились провалом. *Соединённым Штатам нужна политическая поддержка (или нейтралитет) Москвы, чтобы успокоить своих европейских союзников, а также возможность привлекать высокие технологии из России и Европы, а вовсе не равноправное партнёрство, поскольку такое партнёрство предполагает взаимные обязательства, которые неизбежно будут накладывать ограничения на свободу действий США, а американская политическая элита к этому явно не готова.*

США не оставляют попыток убедить Россию присоединиться к ЕвроПРО и участвовать, выражаясь словами госсекретаря Х. Клинтон, в создании «глобальной архитектуры защиты» от режимов, вооружённых ядерными ракетами, и террористических групп типа «Аль-Каиды», потенциально могущих иметь ядерные средства. Однако американские политики и эксперты правого толка полагают, что цена такого сотрудничества с Москвой является неоправданно высокой для США и обвиняют администрацию в том, что та, по их мнению, идёт на чрезмерно большие уступки Москве. *Россия недооценивает влияние внутриполитических факторов в американском механизме принятия решений. Администрация Обамы подвергается резкой критике со стороны республиканцев, которые внушают американскому общественному мнению мысль о слабости президента в вопросах внешней политики и безопасности. От этих обвинений хозяин Белого дома не может просто отмахнуться. Ему приходится убеждать Конгресс в том, что решения, касающиеся отношений с Россией, отвечают американским национальным интересам, однако сдвиги в расстановке сил в Капитолии после промежуточных выборов делают эту задачу ещё более трудной, чем прежде.*

Несмотря на позитивную риторику официального Вашингтона, стимулы к реальному сотрудничеству с Россией в области ПРО у США пока не перевешивают тех издержек, которые они связывают с подобной кооперацией. Создаётся впечатление, что администрация предлагает сотрудничество лишь по тактическим соображениям, чтобы поощрить Москву к солидарной позиции в отношении ядерной программы Ирана, а не для того, чтобы перейти на качественно более высокий и доверительный уровень двустороннего взаимодействия в сфере безопасности.

Список литературы

1. *Blank S.* The Real Reset: Moscow Refights the Cold War // World Affairs Journal. September-October 2010. Vol. 173. No. 3. P. 81-90.
2. *Clinton Hillary Rodham*, Secretary of State. Munich Security Conference Plenary Session Remarks. Munich, Germany. 5.02.2011 (<http://www.state.gov/secretary/rm/2011/02/156044.htm>).
3. *Copley G.* Washington Gambles on NATO's Last Big Push // Defense and Foreign Affairs Strategic Policy. 2010. Vol. 38. No. 12. P. 4-6.
4. *Hoskinson Ch.* START Debate Hasn't Stopped (<http://www.politico.com/news/stories/0511/54620.html>).
5. *Kerry J.* Critics Write Obits, but NATO Focuses on New Threats // Politico. 17.11.2010 (<http://www.politico.com/news/stories/1110/45288.html>).
6. *L.V. Alain Juppé soutient la contribution française à un système de défense anti-missile* (<http://www.defense.gouv.fr/actualites/articles2/alain-juppe-soutient-la-contribution-francaise-a-un-systeme-de-defense-anti-missile>).
7. Missile Defense a Sticky Issue for U.S., Russia (<http://video.foxnews.com/v/961964990001/missile-defense-a-sticky-issue-for-us-russia>).
8. North Atlantic Treaty Organization. Lisbon Summit Declaration (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm?mode=pressreleases).
9. *Porter P.* NATO's Future: Hooked On Security // The World Today. November 2010. Vol. 66. No. 11. P. 12-14.
10. Sénat. Compte rendu analytique officiel du 9 décembre 2010 (http://www.senat.fr/cra/s20101209/s20101209_11.html).
11. *Thayer B.* The Continued Relevance of Realism in the Age of Obama: plus ça change, plus c'est la même chose // American Foreign Policy Interests. 2010. No. 32. P. 1-4.
12. *Yanatma S.* Ankara Seeks Guarantees on Israel in Missile Shield Talks with US (<http://www.todayszaman.com/news-225343-ankara-seeks-guarantees-on-israel-in-missile-shield-talks-with-us.html>).